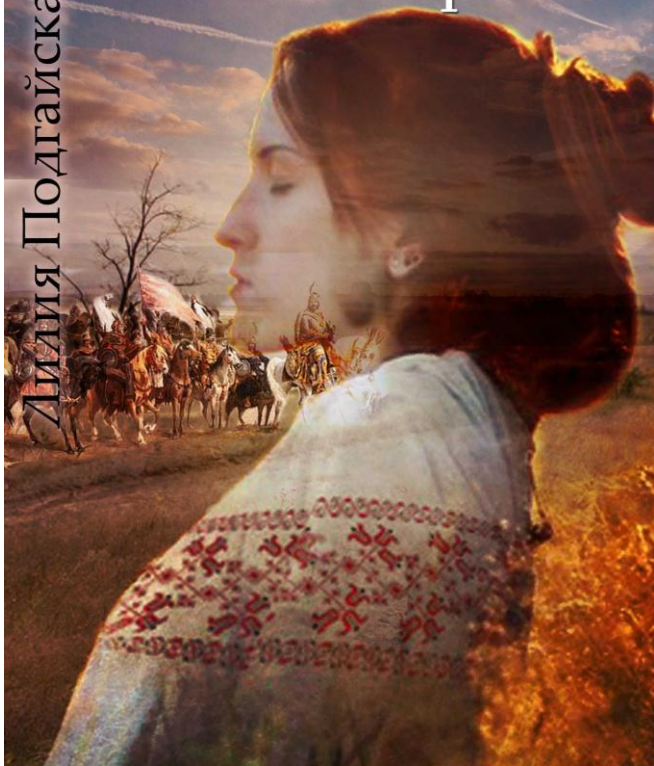

Буря на острове

Диана Подгайская

НОРМАНДСКИЙ ПОВОРОТ

Аннотация

XI век, Англия. Нашествие на остров армии нормандского герцога Вильгельма, ставшего новым королём Англии, совершенно изменило жизнь Эльгиты, дочери небогатого тана из Восточной Англии. Но она, в отличие от многих, гораздо больше нашла, чем потеряла. Нормандский рыцарь Морис де Гранвиль, завладевший её поместьем, не только дал ей надёжную защиту, но и исцелил её искалеченную душу и научил любить. Буря, шумевшая на острове долгих шесть лет, принесла Эльгите замечательного мужа и радость семейной жизни. Даже в самые мрачные периоды истории люди остаются людьми — они ищут и находят своё счастье.

Лилия Подгайская

Буря на острове

Пролог

Вот уже много лет Англия пребывала в волнении, но сейчас страсти накалились добела. Эдуард, семнадцатый король Уэссекской династии, правивший страной уже более двадцати лет, заметно угасал, а он так и не назвал окончательно своего преемника на троне. Ситуация была беспрецедентной.

Сын Этельреда 11, прозванного Неразумным, и Эммы Нормандской Эдуард чуть ли не половину жизни провёл при дворе нормандских герцогов, где вынужден был скрываться у своих родственников от захвативших страну датчан. Десятилетним мальчиком мать увезла его к своему брату, герцогу Ричарду 11 Доброму. Выросший среди норманнов Эдуард, разумеется, обрёл многочисленные связи в этой стране и был привержен традициям Нормандии. Только в тридцативосьмилетнем возрасте, когда на трон взошёл Хардекнуд, его единоутробный брат (Эмма Нормандская осталась королевой Англии и при Кнуде Великом), Эдуард смог вернуться на родину. Отношения между братьями сложились, и бездетный король

провозгласил Эдуарда своим преемником. Англичане в большинстве своём стояли за реставрацию англосаксонской власти, и восшествие на трон нового короля Уэссекской династии прошло при всеобщем одобрении.

Однако вскоре стало ясно, что правление Эдуарда не будет лёгким. Новый монарх совсем не знал страны своих предков и не имел надёжной опоры в среде англосаксонской знати. Больше того, власть прочно держали в своих руках крупнейшие магнаты страны, среди которых самыми могущественными были Годвин, эрл Уэссекса, Леофрик, эрл Мерсии и Сивард, эрл Нортумбрии, и королю приходилось считаться с их волей. Вскоре после восшествия на трон Эдуард, в целях укрепления своего положения, женился на дочери Годвина Эдите. Однако в характере короля едва ли не самой яркой чертой была религиозность. Он был предан не только вере в добродетель, но и аскетизму, причём доходил в этом до крайности — свято соблюдал своё целомудрие. Совершенно естественно, что детей у короля не было и не могло быть.

Между тем в делах государственных Эдуард проявлял силу воли и настойчивость, не позволив сделать себя марионеткой в руках крупной англосаксонской знати. Он успешно противостоял давлению магнатов, стремился проводить

собственную политику и со временем создал себе опору в лице привлечённых на королевскую службу выходцев из Нормандии — им он жаловал земли и посты. Даже архиепископом Кентерберийским он сделал норманна. К тому же авторитет короля в Европе был достаточно высоким, благодаря, в первую очередь, его истинной религиозности.

Во внешней политике короля Эдуарда огромное место занимали взаимоотношения со скандинавскими государствами. Конунг Норвегии Магнус I Благородный, опираясь на давние договорённости с королём Хардекнудом, рвался к короне Англии. Союзником Эдуарда стал король Дании Свен Эстридсен. Однако когда перед Данией встала реальная угроза норвежского завоевания, английский монарх отказался помочь своему союзнику военным флотом, того спасла только смерть Магнуса I.

Внутри страны король старался проводить мирную политику. Он распустил английский флот, требующий огромных средств на своё содержание, и отменил налог на оборону, так называемые «датские деньги». Это благотворно сказалось на финансовом положении подданных, однако резко ослабило готовность страны к отражению внешней угрозы.

Уже в первой половине правления короля Эдуарда перед Англией остро встала проблема

престолонаследия. Сам Эдуард благоволил к герцогу Нормандии Вильгельму, внуку Ричарда 11 и, следовательно, его, Эдуарда, двоюродному племяннику. Ему он и пообещал корону Англии.

Однако сейчас, когда жизнь короля Эдуарда на исходе, страсти вокруг наследника престола бурлили, как в кипящем котле. Претендентов на корону островной страны оказалось слишком много. Последним представителем англосаксонской династии оставался малолетний Эдгар Этелинг, сын Эдуарда Изгнанника и внук Эдмунда Железнобокого. Но он, воспитанный за границей, был ещё слишком юн и не имел никакой поддержки в стране. А вот брат жены Эдуарда Гарольд Годвинсон, эрл Уэссекса, набрал большую силу. Он был человеком весьма могущественным и воинственным, и его поддерживало много сторонников. Герцог Нормандии Вильгельм был непоколебимо уверен в своём праве на корону. Не собирались отказываться от своих притязаний ни король Дании Свен Эстридсен, дальний родственник Кнуда Великого, ни конунг Норвегии Харальд Суровый, опирающийся на давние договорённости своего отца Магнуса 1.

Так кто же сядет на трон Англии после короля Эдуарда? Кто?

Глава 1

Усадьба Фрисби, Восточная Англия, лето 1065 года

Старый тан Освальд Эбенгард был владельцем большой красивой усадьбы на берегу реки Кем, неподалёку от Кембриджа. От них до Лондона всего-то день пути, если налегке и на хорошей лошади. Это, конечно, удобно, но и опасно. Слишком на виду. В последнее время тан всё чаще сожалел, что владение его не затеряно где-нибудь в глубинке Денло, а расположено чуть ли не под носом у правителей страны. А им тан не доверял. Нет, старый король Эдуард, конечно же, свой, англосакс, хороший монарх, и за двадцать с лишним лет его правления можно было перевести дух. Но сейчас король уже стар и слаб, всем понятно, что недолго ему остаётся править страной. И что потом? Говорят, что преемником своим он назначил племянника Вильгельма, который сейчас носит корону герцога Нормандии. И что ему, одной короны мало, норманну этому? Им, саксам, король-норманн совсем уж ни к чему. Хватит того, что нынешний монарх имеет нормандскую кровь, почему и привечает нормандских вельмож на своей

земле. А саксонская знать, в угоду королю, считает за высший шик разговаривать на их языке. Но не таков тан Эбенгард. Его не смогла склонить к этому даже супруга, гордившаяся толикой нормандской крови. Пусть она и завела моду говорить на чужом языке в их поместье, для тана это ничего не значит. Он сам чистокровный сакс и гордится этим.

Тан тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли. И без того забот хватает.

Дела поместья идут из рук вон плохо. Сам он стареет, управлять большим хозяйством становится всё трудней, а плут-управляющий беззастенчиво греет на этом руки. Сына бы ему, сына! Хоть одного. Два сына было, и оба сложили головы в междоусобной войне между вельможами, каждый из которых пытался оторвать себе кусок пожирнее, пока король отвлекался на строительство церкви в Вестминстере. И остались у тана три дочери. Все уже на выданье. Старшая и вообще переросток, ей уже девятнадцать. Сёстры-то помоложе — четырнадцати и семнадцати лет. И как пристроить их замуж тан не понимал совершенно. Ну не мог он найти мужей своим дочерям с таким-то приданым. Старшая, конечно, унаследует после его смерти Фрисби, но даже это не помогает сейчас. Потом-то вороны налетят, а сейчас вокруг тана тихо.

Тан грелся на солнышке, сидя на любимом пригорке недалеко от ворот усадьбы — очень

сильно ныли его старые кости последнее время. Сказывались годы бесконечных сражений. Уж как пришлось повоевать, когда датчане рвались к власти, а потом их предводитель Кнуд объявил себя королём Англии, перечеркнув одним взмахом меча более чем столетнее правление Уэссекской династии. Слава Создателю, старшему сыну Этельреда Второго Эдуарду удалось вернуть трон своих предков, и вот уже больше двадцати лет он правит страной, успешно лавируя среди подводных камней, во множестве попадающихся на пути любого правителя, и находя сильных союзников.

Неспешное течение мыслей тана было внезапно прервано топотом коней, бряцанием сбруи и громкими мужскими голосами. Он поднялся на ноги, спустился с пригорка и лицом к лицу столкнулся с весьма рассерженным вельможей. Мужчина был далеко не молод, маленького роста и с заметных размеров брюшком, опоясанным богатой перевязью. Но держался он настолько прямо и важно, что казался и выше ростом, и лучше статью.

— Что это за владение, любезный? — заносчиво спросил он. — Я барон Ательстан из Кониингбурга. Еду в Лондон. А тут у нас поломка. Мне надо, чтобы починили упряжь, и место для отдыха.

— О, сиятельный господин, — расплылся в

улыбке старый Освальд, — это усадьба Фрисби, а я, тан Эбенгард, её хозяин. Прошу вашу милость проследовать в дом. А я сейчас отдам распоряжения.

Тан шагал следом за гостем, чуть ли не мурлыча вслух от удовольствия. Подумать только! Сам владелец старинного замка на севере, один из богатейших людей Нортумбрии! И в его доме. Старый Освальд угодливо поклонился гостю, пропуская его в двери зала. Там вельможа осмотрелся, и лицо его приняло более приветливое выражение. В зале находились жена и все три дочери тана, занятые рукоделием. Они спешно поднялись на ноги и низко присели перед вельможей, сразу оценив и его горделивую осанку, и богатство его одеяния. Сиятельный гость благосклонно осмотрел их, задержав взгляд на старшей из дочерей хозяина. Девушка и вправду была хороша собой — высокая, крепенькая, с налитой грудью и упругими широкими бедрами, светловолосая и голубоглазая. Она одна смотрела на высокородного гостя спокойно, даже безразлично, в то время как остальные женщины преданно пожирали его глазами. Взгляд же приезжего господина снова вернулся к светловолосой красавице, прошёлся по её груди и задержался на бёдрах, выражение глаз стало масляным, язык невольно облизал сухие губы.

Желание отчётливо загорелось в его взгляде.

Тан, проследив за выражением лица гостя, более смело выступил вперёд.

— Разрешите, мой господин, представить вам моих женщин, — сказал сладким голосом. — Это моя жена леди Маргарет, старшая дочь Эльгита, средняя Ровена и младшая Эдит. Все мои девочки созрели для замужества и пребывают на выданье.

— Вижу, что созрели, — ухмыльнулся гость, — особенно эта беленькая.

Он подошёл к девушке и бесцеремонно щипнул её за крутой бок, а потом огладил рукой по упругой груди и довольно улыбнулся.

— И ещё я вижу, — добавил, повернувшись к хозяину, — что женихи не ходят табунами по твоему подворью, не так ли, тан?

— Увы, мой господин, — тан скромно потупился. — Дела мои идут не слишком хорошо последнее время, и с тем приданым, что я могу дать за дочерьми, женихи действительно не рвут их из рук друг у друга.

Вельможный гость улыбнулся ещё шире.

— Возможно, я смогу тебе помочь, если ты будешь послушен моей воле, тан.

— Сделаю всё, что пожелаете, господин, — глаза Освальда с надеждой смотрели на гостя.

Супруга тана, леди Маргарет тоже умоляюще сложила руки. Она смотрела на вельможу как на

спустившегося с небес ангела, изъявившего готовность помочь их семье. Ну не оставаться же девочкам старыми девами. Особенно она переживала за свою любимицу Ровену. Дочери на днях исполняется семнадцать, куда уж тут тянуть. Да и младшенькую хорошо бы пристроить. Старшую свою дочь леди недолюбливала — та была слишком своевольной, и управлять ею было очень нелегко.

— Хорошо, мы поговорим об этом немного позднее, — согласился гость. — А сейчас я хотел бы перекусить и немного отдохнуть.

— Сию минуту, мой господин, — вскричала хозяйка и птицей вылетела из зала.

Гость же уселся в предложенное ему кресло и продолжал задумчиво рассматривать девушек, всё время возвращаясь глазами к Эльгите.

Когда был накрыт стол, и гость утолил свой голод, выпив при этом три чаши вина из самых драгоценных запасов тана, хозяйка предложила ему для отдыха лучшую комнату на втором этаже с окном в сад.

— Да, хорошо, — не отказался гость, — только подайте туда горячей воды и позовите моего личного слугу. Его зовут Реми. А я пока побеседую с хозяином.

Женщины поспешно покинули помещение, оставив хозяина наедине с вельможным гостем.

Когда оба удобно устроились в креслах у очага, гость первым начал беседу.

— Я подумал, тан, и считаю, что нашёл женихов для двух твоих дочерей. Там, в Нортумбрии, разумеется. Приличные семьи, доблестные мужчины, и будут рады выполнить моё желание. Так что если мы сейчас договоримся, в начале осени жди женихов. Моё же условие — ты отдаёшь мне на время свою старшую дочь, чтобы я мог поразвлечься с ней. Давно уже я не встречал женщины, которая вызывала бы во мне такое желание. Я говорю откровенно, тан, что хочу просто получить удовольствие от твоей дочери, не больше. Но то, что я даю взамен, стоит чести одной из дочерей, не так ли?

Тан думал всего минуту.

— Да, мой господин, — сказал угодливо, — вы можете полностью располагать Эльгитой, как пожелаете и сколько пожелаете, коль она пришлась вам по сердцу. Но не забудьте своего обещания для моих младших дочерей.

— Не забывайся, тан, — строго заметил на это гость, — саксонский вельможа слов на ветер не бросает. А сейчас ступай и через два часа приведи ко мне в комнату свою дочь. Да не забудьте её искупать, я люблю чистых женщин.

Когда тан, растерянный и обрадованный одновременно, поднялся в свою опочивальню, он

нашёл там супругу, нервно сжимающую руки и беспокойно прохаживающуюся перед окном.

— Ну что? — кинулась она к мужу.

— Ты не поверишь, жена, — тан подошёл к ней и заговорил совсем тихо, — барон обещает приличных мужей двум нашим младшим дочерям у себя на севере. Но взамен он требует — страшно произнести — нашу старшую дочь для временного развлечения. Она вызвала в нём похоть, и вельможа желает уже сегодня удовлетворить её.

— Надеюсь, у тебя хватило ума согласиться? — жена смотрела на него вопросительно. — Не так и велика потеря, всё равно нам для Эльгиты мужа не найти. Так к чему беречь её девственность? Зато девочек пристроим, и, надеюсь, это не будет нам дорого стоить.

— Согласился, жена, — был тихий ответ. — Как теперь об этом сказать Эльгите? Барон требует её уже через два часа и чтобы мы её искупали.

— Тогда надо поспешить, муж мой, — забеспокоилась леди Маргарет. — Зови её сюда быстро, а я велю приготовить воду.

Когда через несколько минут взволнованная Эльгита вошла в комнату родителей, они оба сидели в креслах у окна, бледные, но решительные.

— Дочь моя, — начала мать, — пришло время для тебя совершить подвиг самопожертвования ради нас с отцом и твоих сестёр. Ты знаешь, что

дела твоего родителя идут плохо последнее время. Нам грозит разорение, а вам всем троим пребывание в вечном девичестве. Даже в монастырь мы не можем вас пристроить, для этого тоже нужны деньги.

Леди Маргарет помялась немного и продолжила:

— Барон Ательстан готов помочь нам, дочка, и выдать замуж Ровену и Эдит. Но тебя он хочет получить для себя.

Эльгита отпрянула от матери, глядя на неё огромными непонимающими глазами.

— Что значит для себя, матушка? — спросила дрожащим голосом.

Леди Маргарет на мгновение неловко отвернулась от дочери, но тут же взяла себя в руки — отступить было некуда.

— То и значит, — она снова повернулась к Эльгите, глаза её смотрели строго и непреклонно. — Барон хочет тебя как женщину, и ты пойдёшь к нему, дочка, и сделаешь всё, что он пожелает.

Она пресекла движением руки готовое сорваться с губ дочери возражение.

— И имей в виду, Эльгита, — добавила сурово, — я прокляну тебя, если ты не поможешь нам всем. Это единственный шанс для нас, другого не будет.

Девушка взглянула в непреклонные глаза матери и поникла — её приносили в жертву семье, её сёстрам, отдавали на заклятие хладнокровно и обдуманно. И у неё нет выбора.

— Да, — сказала тихо и повернулась, чтобы уйти.

— погоди, — остановила её мать, — я провожу тебя. Барон велел, чтобы ты искупалась. В твоей комнате уже готова вода.

— И ничего не бойся, дочка, — добавил хриплым голосом отец. — Рано или поздно это должно случиться. А если ты понесёшь от барона, так это будет даже хорошо, мы сможем получить от него содержание на тебя и ребёнка.

Эльгита содрогнулась, но ничего не ответила отцу и вышла.

В её комнате действительно стоял уже чан с горячей водой, от которой исходил упоительный аромат разнотравья. В их усадьбе, в отличие от многих других саксонских домов, каждая из дочерей имела свою комнату — леди Маргарет была хорошо воспитана и имела аристократические привычки. Сейчас это было большой удачей для Эльгиты. Разговаривать с сёстрами она не смогла бы.

Мать снизошла до того, чтобы своими руками помочь дочери искупаться. Тщательно расчесала её золотистые шёлковые волосы, распустив их по

плечам девушки. Подала ей новую сорочку, которую вытянула из сундука. Всё, дочь готова.

— Как невесту обряжает, — горько подумала Эльгита, — а на самом деле...

К двери подошёл отец и тихо спросил, готова ли она — время вышло.

Эльгита на подгибающихся ногах шагнула за порог своей комнаты и, как осуждённый к месту казни, двинулась за отцом к лестнице, поднялась на второй этаж и остановилась перед дверью. Отец постучал, и получил разрешение войти. Он ввёл в комнату дочь и, даже не взглянув на неё, повернулся и вышел, оставив её в комнате барона. Тот сидел в кресле у окна. Рядом с ним что-то делал его слуга, черноволосый и черноглазый субъект весьма сомнительного вида, похожий на разбойника с большой дороги.

— Ну что же ты стоишь, девушка, — воскликнул барон, — проходи скорее, раздевайся. Дай мне взглянуть на твоё великолепное тело. Я полон нетерпения. Давай же.

Эльгита округлила глаза, взглянув на слугу.

— Но... — начала она.

— А, это, — прервал её вельможа. — Это всего лишь Реми. Он всегда помогает мне. Иди же ко мне.

Барон встал с кресла, подошёл к застывшей в неподвижности девушке и, взяв её за руку, вывел на

середины комнаты. Затем без всяких колебаний одним движением сорвал с неё сорочку. И застыл в восхищении. Тело Эльгиты было белым и гладким, имело соблазнительные формы и вызывало желание.

— Что скажешь, Реми? — обратился он к слуге. — Давно не лакомились мы такой прекрасной плотью.

Слуга пробормотал что-то невразумительное, во все глаза глядя на открывшееся ему зрелище. Штаны его подозрительно встопорщились.

— А, я вижу, ты уже готов, Реми, — рассмеялся господин. — Подожди, дай мне потрогать её и насладиться шёлком её кожи.

И барон стал трогать, гладить и мять тело стоящей неподвижно Эльгиты. Его руки были везде — гладили грудь, живот, бёдра, но особенно его взволновали ягодицы девушки.

— Ты посмотри, какие идеальные полушария, — снова обратился он к слуге. — О, как сладко мне будет погрузиться между ними. Ну, давай же, Реми, начинай, я сгораю от нетерпения.

Оба мужчины быстро сбросили с себя одежду и предстали перед ошеломлённой Эльгитой. Реми показал себя во всей красе мужского возбуждения, его вздыбленный орган был огромен и нетерпеливо пульсировал. Барон же стоял с вяло свисающим безжизненным отростком. Но глаза его горели

похотью. Вдвоём они завалили девушку на кровать и стали в четыре руки трогать и ощупывать её тело. Барон, тихонько постанывал, просунув руку между бёдрами девушки, и вдруг углубился в её тело. Он стонал, закрыв глаза, и жадно двигал рукой, погружаясь всё глубже.

— Она девственна, Реми, — с восторгом прошептал он. — Давай же, порви для меня эту преграду.

Реми не нужно было повторять дважды, он и так весь дрожал от нетерпения. Он быстро подмял под себя окаменевшее тело и рванулся в его тёплую глубину. Преграду пробил сразу и, не слушая воплей девушки, бешено задвигался в ней, торопясь получить свою долю наслаждения. Барон крутился рядом, трогая, шупая и потихоньку возбуждаясь.

— Всё, кажется я готов, — прокричал он слуге. — Пусти меня, Реми.

Превозмогая себя, слуга оторвался от такого сладкого тела и уступил место хозяину, который тут же навалился на девушку, всадил в неё своё маленькое, но восставшее, наконец, мужское достоинство, и задёргался на девичьем теле, блаженно постанывая. Реми стоял рядом, жадно облизываясь. Он ждал своей очереди, чтобы закончить начатое, — восставший орган причинял ему боль, и он мечтал разрядиться. Наконец барон с громким всхлипом скатился с тела девушки. Не

обращая внимания на испачкавшую его кровь, он блаженно раскинулся на постели, с интересом наблюдая, как Реми завершает свою работу. Тому не было удержу, и он снова и снова врывался в лежащее под ним тело, рыча от удовольствия. Наконец и он скатился с девушки, тяжело дыша, но удовлетворённо улыбаясь.

— Это было великолепно, Реми, — сказал ему господин. — Мы отлично справились. Придётся задержаться здесь на один лишний день. Я ещё не получил полного удовольствия. Завтра ты приготовишь мне напиток, и я вскрою её ворота Содома. О! Какое это будет наслаждение!

— Осторожно, господин, — предостерёг его слуга, — вы же знаете, что этот напиток опасен для здоровья, а вы принимали его совсем недавно в том маленьком домике, помните?

— Я ни за что не откажусь от такого удовольствия, Реми, — твёрдо заявил господин. — Сейчас обмой её, и пусть поспит немного. А ты готовь меня к завтрашним подвигам. С утра и начнём.

Эльгита в ужасе слушала эти разговоры. На неё никто и внимания не обращал, вроде и не человек она. Брели только её тело, как неживую куклу. Ни один из мужчин не сказал ей ни слова за время этого мучительного для неё действия. И её не собирались выпустить отсюда. Отец отдал её на

растерзание этим двоим, отдал собственными руками. Выпусти они её отсюда, она бы сбежала, куда глаза глядят. Но нет, она была в плену, и ей не выбраться из этой западни.

Реми был готов выполнить приказание хозяина, но его ненасытная плоть вновь зашевелилась, как только он коснулся мокрой тряпочкой бёдер девушки. Он вопросительно взглянул на хозяина, но тот лишь безразлично махнул рукой — делай, мол, что хочешь. И слуга, к ужасу Эльгиты, снова зверем накинулся на неё, не обращая никакого внимания на крики боли. Он просто зажал ей одной рукой рот, продолжая грубо двигаться в её теле, подвывая от наслаждения. Эльгите казалось, что её тело рвут на части. Боль была настолько сильной, что она потеряла сознание.

Когда девушка пришла в себя, она была одна в комнате. За окнами уже стемнело. Никто не пришёл к ней, никто не принёс ей поесть. Эльгита попыталась встать на ноги, но снова упала на постель, сражённая болью. Ей казалось, что её тело это одна сплошная рана, и боль никогда уже не отпустит её. Она отвернулась к стене и горько заплакала. Слишком дорогой оказалась цена, которую ей приходится платить за благополучие семьи. Выплакав все слёзы, девушка снова уснула и спала до самого утра. Она не слышала, как в

комнату вернулся барон, как лёг рядом с ней, как трогал измученное тело, плотоядно улыбаясь.

Пробуждение Эльгиты было тяжёлым. Всё тело болело, каждый кусочек его просил о покое. Но покоя ей никто не обещал.

— Очень хорошо, что ты проснулась, девушка, — бодро приветствовал её барон. — Вчера ты подарила мне огромное наслаждение. Сегодня подаришь ещё большее.

Эльгита застонала от страха и отчаяния.

— О, не бойся, красавица, — он криво улыбнулся, — сегодня никто тебя не станет трогать там, где вчера. Не звери же мы, в самом деле. Сегодня я буду лакомиться твоей очаровательной задницей, она просто сводит меня с ума.

— Нет, — вскрикнула перепуганная девушка, — нет, я не могу.

— Да, — холодно сказал барон, — и не пытайся испортить мне удовольствие. Я этого не потерплю. Я уже почти подготовился. Сейчас придёт Реми, и начнём. Возможно, сегодня тебе понравится.

Барон довольно рассмеялся, а Эльгита снова заплакала. В эту минуту она больше всего на свете хотела умереть и ничего уже не чувствовать.

Вскоре пришёл Реми. Он был свеж и деятелен. Дал хозяину выпить какой-то напиток из маленького сосуда, и быстро скинул с себя одежду.

Помог раздеться хозяину. Тот не торопился, растягивая предвкушение столь любимого им удовольствия. Потом с помощью Реми поставил Эльгиту на колени спиной к себе, наклонил её вперёд и начал ласкать её ягодицы. На этот раз он даже снизошёл до того, что целовал их, приговаривая:

— Как же я люблю вас, райские яблочки. Между ваших полушарий скрыта бездна блаженства, и я сейчас выпью его без остатка.

Он говорил и говорил, а руки становились всё жёстче, поцелуи стали похожи на укусы. Барон входил в состояние дикого возбуждения, когда ничего человеческого уже не остаётся в душе. Накалившись до крайней точки, он, наконец, ворвался в столь желанный проход и на этот раз его орган был твёрд и упруг. Девушка закричала от боли, но барон подал знак, и услужливый Реми закрыл ей рот рукой. А барон самозабвенно отдавался любимому наслаждению, демонстрируя небывалую мужскую силу — напиток Реми работал самым чудодейственным образом. Наконец барон всхлипнул последний раз и покинул тело своей жертвы. Реми мгновенно занял его место и ещё несколько минут рвал, казалось, на части истерзанное тело. Он был груб и даже жесток. Казалось, что мучения жертвы лишь усиливают его похоть. Эльгита затихла, и, закусив губы, молча

ожидала окончания нестерпимой муки. На этот раз она не потеряла сознания и очень об этом сожалела. Когда удовлетворённые гости покинули её, она упала на постель и затихла, стараясь превозмочь боль.

Так и лежала девушка, находясь на грани сознания, когда в комнату проскользнула старая няня Мег. Она уже была, видимо, введена в курс дела, потому что сразу стала приводить девушку в чувство. Дала ей выпить что-то горькое на вкус. Потом тщательно обтёрла всё тело влажной тряпочкой и поменяла простынь. Надела на Эльгиту сорочку и накормила её чем-то лёгким. Снова дала выпить какую-то настойку, и девушка, наконец, провалилась в глубокий сон. Так провела она несколько дней. К ней приходила только старая Мег, делала, что положено, и уходила. Ни мать, ни отец ни разу не заглянули к ней.

Дней через семь Эльгита начала вставать, потом потихоньку выходить в сад, где гуляла в одиночестве. Сёстрам, как она узнала потом, сказали, что она заболела какой-то тяжёлой и опасной болезнью, от которой можно умереть, и они обходили её десятой дорогой. Родители тоже сторонились её, и девушка чувствовала себя прокажённой. Это было вдвойне обидно — ведь она вынесла ради них такие муки, а в благодарность даже тёплого слова не услышала. Полное

восстановление затянулось чуть ли не на месяц. Эльгита была уже на пути к выздоровлению, когда получила ещё один удар, оправиться от которого было очень трудно.

Однажды ночью девушка проснулась от того, что чьи-то руки шарили по её телу, жадно ощупывая. Она открыла глаза и с ужасом увидела, что над ней склонился отец. Девушка вскрикнула, но тан закрыл ей рот рукой.

— Молчи, девочка, — лихорадочно зашептал он. — Молчи, и дай мне получить наивысшее наслаждение.

Отец навалился на неё всем своим большим телом, и жадно ворвался в её жаркое лоно. Он был неутомим, стонал и рычал, и казалось, готов разорвать её тело на части в поисках наивысшего пика наслаждения. Наконец он затих, упав на неё, и ещё долго лежал, восстанавливая дыхание. Потом приподнялся.

— Барон был прав, дочка, — сказал уже более спокойно, — твоё тело источник сказочного наслаждения. И я как отец, породивший тебя, имею полное право им пользоваться, когда и сколько хочу. Как жаль, что я не понимал этого раньше, и не я взял твою невинность. Это было бы сказочно прекрасно. Но и теперь я тобой доволен, дочь. Ты дала мне усладу, какой я не знал раньше. И будешь ублажать меня теперь, как надлежит послушной и

покорной дочери. Я хочу отведать ещё одно удовольствие, мне незнакомое. Барон сказал, что это просто райское наслаждение. А добрый Реми оставил мне бутылочку напитка, от которого я становлюсь сильным как в двадцать лет. Ты же сама видела. Я рад, дочка, очень рад и даже счастлив. Я полностью удовлетворён. Твоя мать никогда не дарила мне такого удовольствия.

Отец поднялся с постели и оделся. С сожалением взглянул на притихшую от потрясения и потерявшую дар речи девушку.

— Мне не хочется уходить от тебя, дочь, — сказал тихо, — я чувствую в себе прилив новых сил. Ох! Как же хорошо! Я молод и силен как не был никогда раньше. Как же много я потерял в жизни. Но ничего, моя дочь даст своему отцу то, что не смогла дать ни одна женщина до неё. Сейчас я возьму тебя сзади. Я хочу и сделаю это.

В глазах его снова зажглись опасные огоньки. Он быстро скинул одежду, и не успела Эльгита опомниться, как он уже развернул её, сложил пополам и ворвался в задние ворота. Он был как бесноватый. Пена выступила на губах, а он всё не мог остановиться, стеная от наслаждения. Когда всё закончилось, и ясность сознания вернулась к нему, отец заявил:

— Это удовольствие несравнимо ни с чем. А твой зад и вправду великолепен. И теперь ты

будешь подставлять его мне по первому требованию, дочь. Это моё право брать у тебя всё, что я хочу. Не забывай, что ты живёшь на моей земле и в моём доме. И ты будешь делать всё, что я только пожелаю, потому что я твой отец и господин.

С этим он ушёл, оставив Эльгиту в ужасе и полной растерянности. Как ей теперь жить? Как терпеть всё это? Как смотреть в глаза матери? И как можно продолжать считать отцом человека, так поступившего со своей родной дочерью? Вопросов было много, но ответы на них искать в спешном порядке не пришлось. В усадьбу прибыли гости.

Барон Ательстан сдержал своё слово и прислал-таки женихов для сестёр. Мужчины были не слишком молоды и не сказать, чтобы красивые, но выглядели отнюдь не бедняками и были готовы жениться на предложенных им невестах. Они уединились с таном в маленькой комнате за залом, где долго вели переговоры, обсуждая все детали предстоящего бракосочетания. В конце концов, стороны пришли к соглашению, и, кажется, все были довольны. Теперь осталось разобраться какому жениху какая из невест достанется. Задача была не из лёгких, но, наконец, решили и её. Приехавший с ними священник провёл церемонию, и счастливые новобрачные отбыли на север. Сёстры были настолько поглощены этими важными

событиями, что даже не попрощались как следует с Эльгитой, к тому же они всё ещё сторонились её как переболевшую какой-то страшной болезнью.

В усадьбе наступила тишина. А Эльгита замерла в ужасе от того, что её ждёт. Отец озверел в полном смысле этого слова, и теперь она опасалась его как лютого врага. Девушка запирала на ночь дверь, но это не спасло её. Отец ловил её в самых разных местах — в поле, в сарае, даже на кухне. А вскоре она обнаружила, что запор на её двери спилен, и она осталась беззащитной. Отец налетал на неё как ястреб, задирали юбку и молча врывался в её тело, каждый раз рыча, как голодный зверь, дорвавшийся до пищи.

Эльгита была в отчаянии. Она не могла спрятаться от отца — он находил её везде. Она сбежала бы из дома, если бы имела куда. И потом — как оставить всё это? Она очень любила свой дом, места вокруг были ей хорошо знакомы и доставляли много радости, когда она выезжала верхом. Огромная зелёная равнина расстилалась вокруг, оживляемая то небольшим холмом, то перелеском. По траве бродили отары овец. А вдали, за рекой поднимался высокий густой лес.

Но и от этого удовольствия пришлось отказаться, потому что отец, догнавший её как-то на такой прогулке, разгорячённый погоней и быстрой ездой, завалил её прямо на траву и вошёл в

такой раж, что девушке стало страшно. Ей было отвратительно вспоминать потом, что он выделял с её телом в тот раз. К тому же надвигалась осень. Она пришла как-то внезапно. Резко похолодало, листья осыпались с деревьев, и природа замерла в предчувствии грядущих холодов. Эльгита с тоской думала о том, что ей всё труднее становится прятаться от отца. Девушка была на грани отчаяния. И тут, как ответ с небес на её горячие мольбы, пришло избавление. Прибывший издалека гонец сообщил тану, что король совсем плох, и его требуют в столицу. Отец собрался и уехал, но перед тем выразительно взглянул на дочь и прошептал на прощанье:

— Я скоро вернусь и уж тогда получу всё, что мне причитается, — в бутылочке осталось ещё немного того зелья, что делает меня неутомимым. Жди меня, дочь. И не вздумай никому давать то, что принадлежит мне одному.

Он уехал, а Эльгита задумалась. Она готова была предложить своё тело кому угодно, лишь бы вытравить из него следы отцовской страсти. Но близость с мужчиной пугала. Ей не преодолеть себя. И она с ужасом ожидала возвращения родителя.

Но наступила и прошла зима, а отец не возвращался. До них дошли слухи, что в канун Крещения скончался старый король Эдуард. А трон

Англии спешно занял Гарольд Годвинсон, эрл Уэссекса, брат нелюбимой жены покойного монарха Эдивы. Новый король Гарольд собирает силы, поскольку опасается мести герцога Вильгельма. Ведь он сам два года назад дал присягу племяннику старого короля и обещал поддержать его право на английский трон. Теперь Вильгельм в ярости. И его поддерживает император Священной Римской империи Генрих I У. И даже Папа Римский встал на сторону норманна — он публично заявил об этом, а Гарольда отлучил от церкви. Обстановка в стране в край накалена. Гарольд, конечно, свой, англосакс, но и особого доверия не заслуживает. Позволил себе нарушить данное слово — это позор несмыываемый. Тут и его предательство по отношению к Эдит Лебединой Шее вспомнили. Сколько лет любил её, почитал как жену, а как только почуял выгоду от союза с графом Мерсии, сразу выгнал вон из дома вместе с тремя сыновьями, чтобы жениться на дочери графа. Плохо, конечно, очень плохо. Но и норманна над собой не хочется. А тут ещё знамение — в конце апреля в небе появилось светящееся тело и целую неделю ярко сияло над Англией. Страну накрыла паника.

Гарольд собрал войска, объявил фирд и повёл всю эту массу людей на побережье напротив Нормандии — охранять страну от вторжения. Но

время шло, запасы продовольствия таяли, ополченцы рвались домой, а Вильгельма всё не было. А тут ещё брат короля Тостиг, которого Гарольд изгнал из страны, получил поддержку от тестя Вильгельма во Фландрии, объединился с норвежским королём Харальдом Суровым и высадился в Йоркшире. Пришлось спешно бросать свои лучшие силы туда. Справился. В жестоких битвах под Йорком погибли и мятежный брат, и грозный Харальд. Но армия короля была вконец измотана и нуждалась в передышке.

В конце лета тан Освальд Эбенгард вернулся домой. Он был нездоров, исхудал и стал бледен. Мрачный и раздражённый ходил он по своему владению, резко выговаривая всем, кто не угодил ему. На дочь не смотрел. Так прошло два месяца. И вдруг по стране прокатилась страшная новость — на Михайлов день герцог Вильгельм высадился на английском побережье. Он прибыл с большой и хорошо вооружённой армией, его люди привыкли к сражениям и, кроме того, верили своему предводителю и были ему преданы. Вильгельм обещал тем, кто шёл за ним, земли. А что могло быть заманчивее для безземельных рыцарей, младших сыновей богатых и знатных семейств?

Гарольду пришлось в большой спешке перебрасывать свои силы вновь на побережье. Решающее сражение состоялось при Гастингсе. Оно

было трудным для обеих противостоящих сторон, длительным и очень кровопролитным. В этом сражении герцог Вильгельм впервые применил неизвестный ещё англосаксам арбалет вместо привычного им лука. Арбалетная стрела была намного тяжелее обычной, била с гораздо большей силой и пробивала даже самые надёжные доспехи. В ходе этой страшной битвы, пал последний англосаксонский король Гарольд, поражённый в глаз случайной стрелой. Погибли и его братья. В жестокой кровавой схватке полегла практически вся регулярная армия англосаксов, а это ни много ни мало около трёх тысяч человек. Погибло также много ополченцев, но части из них удалось спастись. Исходом битвы стало не только падение Гарольда, но и окончание владычества англосаксов на острове, а герцог Вильгельм, правивший Нормандией, в одночасье стал королём всей Англии.

Волны норманнов хлынули на остров. Все они жаждали земель и богатств. Владения саксов, поддерживавших Гарольда, быстро переходили в руки победителей. Новый король щедро вознаграждал своих преданных рыцарей.

Глава 2

И тут тану Эбенгарду снова пришлось пожалеть о том, что усадьба его лежит так близко к Лондону. До них добрались очень быстро. В тёплый осенний день, когда солнце только начало склоняться к закату, перед воротами усадьбы появился большой отряд хорошо вооружённых воинов в непривычном глазу снаряжении. Это были норманны. Попытавшийся было остановить их тан упал замертво с раскрытой головой. Дюжий воин с рыжей шевелюрой двинулся к дому. Он распахнул дверь и остановился на пороге. Навстречу ему, раскинув руки, выскочила леди Маргарет. Он отшвырнул её одним резким движением, и леди упала у стены, не подавая признаков жизни. И тут лихой вояка увидел то, что очень его заинтересовало. Возле окна стояла высокая белокурая девушка, настороженно глядя на завоевателя.

— О, какая лапочка тут нашлась, — пробормотал он. — Иди ко мне, крошка. Старина Финн умеет доставить женщине удовольствие, тем более такой милашке, как ты.

И замер, удивлённый. В руках у красавицы блеснул кинжал.

— Ты не получишь меня, ублюдок, — сквозь зубы проговорила она, сверкая злыми глазами. —

Убью и тебя, и себя, но не дамся.

— Ого, — хохотнул вояка, — какие мы несговорчивые.

И он пошёл на девушку, широко раскинув руки и ухмыляясь во весь рот.

Но тут во дворе раздался властный голос, и шум за окном мгновенно стих.

Резко распахнулась дверь, и на пороге возник высокий светловолосый рыцарь с мечом в руке. Его стального цвета глаза были холодны как лёд.

— Что здесь происходит, Финн? — спросил он тихим голосом, в котором, однако, отчётливо звучал металл. Этот человек явно привык отдавать команды и встречать безоговорочное подчинение.

Рыжий Финн сразу изменился в лице и вытянулся перед рыцарем.

— Ничего необычного, мессир, — смиренно ответил он, — приласкать девушку хотел, только и всего.

Рыцарь взглянул на стоящую с ножом в руке Эльгиту. Быстро окинул её всю сразу потеплевшим взглядом и обратился к солдату.

— Ступай, собирай людей, Финн, — отдал он команду, — мы выступаем. И никаких ненужных убийств, никаких грабежей. У нас есть более важная задача. Всё остальное — потом.

И он снова повернулся к девушке, всё ещё сжимавшей в руке кинжал.

— Не бойтесь, леди, всё самое страшное уже позади, — голос рыцаря смягчился. — Но ваше поместье переходит во владение короля Вильгельма. Он сам назначит нового хозяина. Однако вы можете не опасаться за свою жизнь, мы не воюем с женщинами.

— Есть кое-что более страшное, чем смерть, сэръ рыцарь, — отчётливо проговорила девушка, — это потеря чести. И для женщин, и для мужчин.

Она с вызовом смотрела на него.

Рыцарь удивлённо изогнул бровь.

— Мне кажется, вы вполне способны постоять за свою честь, леди, и это очень хорошо. Ваш муж — счастливый человек.

— У меня нет мужа, сэръ рыцарь, — тихо сказала Эльгита, — и сдаётся мне, что уже нет и отца.

— Так вы наследница этого владения? Вы единственная дочь погибшего владельца? — рыцарь посмотрел на неё с интересом.

— Да, я наследница, — сказала девушка, — но у меня есть ещё две младшие сестры. Они замужем и живут недалеко от Йорка.

— Там сейчас, пожалуй, самое горячее место, — покачал головой рыцарь. — Как зовут ваших сестёр, леди? И как ваше имя? Как называется ваше поместье?

— Так много вопросов, — холодно

усмехнулась Эльгита, — но я отвечу. Эта усадьба называется Фрисби. Я Эльгита Эбенгард, а моих сестёр зовут Ровена и Эдит. Их мужьями стали два дворянина из Йоркшира. Один из них носит имя Седрик, а другой Эдред. Это всё, что я знаю.

Рыцарь задумчиво посмотрел на Эльгиту.

— Ваше положение сейчас очень нелёгкое, леди. Но я хотел бы оградить вас от излишних неприятностей. Сейчас, погодите...

Рыцарь вышел из зала, но через пару минут вернулся и протянул девушке большую металлическую бляху.

— Вот, возьмите это, леди, — сказал он, — и прикрепите на воротах усадьбы. Это знак того, что владение принадлежит теперь королю. Никто отныне не осмелится нарушить покой вашей усадьбы. Крутой нрав нашего монарха известен всем. И вы можете жить спокойно, пока сам Вильгельм не решит вашу судьбу.

Рыцарь повернулся, чтобы уйти, но на пороге обернулся и добавил с улыбкой, от которой сердце Эльгиты дрогнуло:

— А моё имя — Морис де Гранвиль. Прощайте, леди.

С этими словами он покинул комнату. Через минуту его властный голос раздался во дворе. Какой-то шум, топот копыт — и всё стихло.

Эльгита не верила себе. Неужели гроза

прошла? Она подошла к матери и склонилась над ней. Леди Маргарет была жива, просто потеряла сознание от удара головой о стену. Дочь помогла ей подняться и усадила на стул.

— Что это было, дочка? — спросила она, растерянно глядя на Эльгиту.

— Новый король берёт нас под свою руку, матушка, — ответила дочь, — нам предписано ожидать нового хозяина.

— А отец? — леди Маргарет никак не могла взять в толк, что же происходит.

— Боюсь, он погиб, — дочь повернулась и вышла из комнаты.

Тан Эбенгард лежал у ворот с раскроенной головой и несколько слуг уже окружили его. Они обернулись к приближающейся Эльгите, ожидая приказаний новой хозяйки. Тана больше нет в живых, власть перешла к его наследнице. Эльгита посмотрела на распостёртое на земле тело отца, и глупая жалость шевельнулась в её душе. Как можно жалеть человека, растоптавшего её жизнь, превратившего её в кошмар? И всё же...

— Несите его в зал, — велела она. — И соберите всех людей. Я должна сделать вам сообщение.

Через час, когда тело тана было спешно подготовлено к погребению, и люди собрались в зале, Эльгита обратилась к ним с речью:

— Вы можете попрощаться с хозяином. И надо готовиться к тяжёлым временам. В Англии теперь новый король-норманн. Все владения саксов, стоявших за прежнего короля Гарольда, переходят в руки новых нормандских господ. Самое разумное для вас спокойно продолжать работать, чтобы сохранить Фрисби от разрушения. Отчёты обо всём будете давать пока что мне. Потом король пришлёт сюда господина, и он возьмёт власть. Не советую воровать и обманывать. Не все так терпеливы, как покойный тан. Горячий норманн может решить вопрос мечом без долгих разговоров. А сейчас зажгите свечи, мы будем отпевать тана.

Растерянная леди Маргарет проплакала всю ночь у тела покойного мужа. Он никогда не был особенно дорог ей, не дал того счастья, о котором мечталось в молодости, но с ним она имела свой дом и была в нём хозяйкой. Теперь же она никто и полностью зависит от воли дочери. Вот тут и пришлось пожалеть леди, что не сложились у неё тёплые отношения с Эльгитой. И чего теперь от неё ждать неизвестно. Женщина вспомнила о том, как пожертвовала честью старшей дочери ради интересов двух младших, и тем лишила её надежды на счастье. Но сделанного не воротить, и теперь ей придётся расхлёбывать заваренную тогда кашу.

Утром следующего дня состоялось погребение тана. Поместье замерло в ожидании

новых перемен.

Эльгита занялась наведением порядка в их усадьбе. Из людей почти никто не пострадал, только конюх Эдрик получил удар мечом по руке, когда пытался не пустить двух солдат в конюшню. Он потерял много крови, и чтобы сохранить ему жизнь, пришлось прижечь раскалённым кинжалом обрубок его левой руки. Теперь мужчина навсегда останется калекой, но, во всяком случае, они не потеряли его. Остались на месте и кони, и скот — сероглазый рыцарь вовремя прекратил бесчинства, которые затеяли, было, его солдаты.

Эльгита не один раз вспоминала улыбку, которая осветила лицо рыцаря, когда он покидал комнату. Эта улыбка удивительным образом преобразила его суровое лицо, вселив в сердце девушки какое-то непонятное волнение. Нет, она не должна думать о нём. Это была случайная встреча, и её нужно забыть. Она, конечно, благодарна рыцарю за всё. Он не только спас её тогда от смерти, но и оградил от многих других бед, которые, она хорошо это понимала, грозили и ей, и поместью. Металлическая бляха на воротах чудесным образом охлаждала пыл тех, кто имел намерение пограбить их усадьбу. А Эльгита содрогалась от ужаса, представив, что было бы с ней самой, не будь у неё этой защиты. Вряд ли она пережила бы ещё одно насилие. Она просто не

далась бы в руки, кинжал теперь всегда был при ней, а владеть им она умела.

Прошло около месяца. Деревья потеряли пожелтевшую листву. Холодный ветер всё чаще завывал в трубе. Надо было готовиться к зиме.

В один из холодных пасмурных дней этой поздней осени, когда вечер уже опускался на землю, к воротам усадьбы подъехал небольшой, но вооружённый до зубов отряд. Сердце Эльгиты сжалось от страха. Похоже, этих воинов не испугала волшебная бляха, отогнавшая многих других. Эльгита, преодолев себя, шагнула навстречу опасности, крепко сжимая в руке холодную рукоять кинжала, спрятанного в складках одежды. И остановилась, поражённая. В первом всаднике она узнала светловолосого рыцаря, который назвался в прошлый раз Морисом де Гранвилем. А рядом с ним на пегой лошадке сидела её сестра Эдит, худая и несчастная. Растерявшаяся Эльгита переводила взгляд с одного лица на другое, ещё не веря в реальность происходящего.

— Что же вы стоите, леди, — чуть улыбнувшись уголками губ, обратился к ней рыцарь, — ваша сестра очень нуждается в помощи и поддержке родных. Да и мы все порядком промёрзли на ветру и не откажемся от чаши эля.

Знакомый голос привёл её с чувство, и Эльгита кинулась к сестре, поддерживая её и

помогая спуститься на землю. Потом повернулась к мужчине:

— Добро пожаловать в дом, сэръ рыцарь. Вы и ваши люди получите тепло, эль и горячий ужин.

— Благодарю, леди, — сказал де Гранвиль и спешился, подав знак своим людям.

Воины в мгновение ока оказались на земле. Подоспевшие челядинцы приняли у них коней, и все двинулись к дому. Эдит шла тяжело, опираясь на руку сестры, и тихонько всхлипывая. Эльгита посматривала на неё с жалостью, понимая, что та пережила что-то страшное. Войдя в дом, она передала Эдит на руки потрясённой матери и повернулась к рыцарю.

— Прошу присаживаться, сэръ рыцарь, — она указала рукой на большой стол, стоящий у дальней стены, — здесь хватит места и вам, и вашим воинам. А я сейчас отдам распоряжения и приду. Мне не терпится узнать, где вы нашли мою сестру, и что с ней случилось.

Она двинулась к двери. Рыцарь проводил её долгим взглядом и повернулся к своим людям:

— Мы не можем задерживаться здесь надолго, но этот вечер вы можете посвятить отдыху. Только никаких драк и никакого насилия.

Он строго посмотрел на своих подчинённых, и те послушно закивали головами. Нарушить приказ рыцаря не решился бы никто из них. Он был скор

на расправу и имел тяжёлую руку.

Эльгита вскоре вернулась. Следом за ней шли три женщины, неся блюда с едой, шествие замыкал невысокий парнишка с полным кувшином тёмного эля. Еду поставили перед мужчинами, и они сразу же принялись за неё. Все были голодны.

Когда гости насытились, им предложили место для отдыха. Четверых воинов разместили на чердаке в конюшне. Там было вдоволь душистого сена и к тому же неожиданно для себя они получили приятный сюрприз. Следом за ними на чердак поднялись три женщины. Две из них, молоденькие девчушки, сразу же прильнули к приглянувшимся им воинам. Третья, женщина в самом соку, что называется, зазывно оглядела двух оставшихся и предложила уединиться в другом углу.

— Не огорчайтесь, молодцы, — проговорила, весело сверкая глазами, — меня хватит не только на вас двоих, но и на тех бедняг, если они не получат своего от молодых девчонок.

С этими словами молодуха скинула с себя одежду и явила глазам обалдевших мужчин пышное белое тело и роскошные груди, к которым сразу же потянулись жадные руки. Ночь на чердаке прошла очень весело, и к утру обессиленные мужчины все насладились пышными прелестями любвеобильной красавицы. Вдохновлённые её

примером молодые девушки тоже перецеловались со всеми мужчинами, и в конце уже было непонятно, кто кого ласкает и кому отдаётся.

В доме у горящего очага хозяйка поместья вела беседу с приезжим рыцарем. Она хотела знать всё. И Морис де Гранвиль был поставлен в сложное положение. Он просто не мог рассказать девушке обо всех тех ужасах, что происходили там, в гуще событий. Осторожно подбирая слова, он в самых мягких выражениях обрисовал ей картину разрушений и несчастий, обрушившихся на жителей Йоркшира. То, что он сумел отыскать леди Эдит, сказал он, было просто чудом. Он силой вырвал её из рук разгорячённых бойней мужчин, которые уже кинули её в середину круга и приготовились к весёлой игре в отнималки. Есть такое развлечение у бретонцев. Они бросают женщину в середину круга и начинают отнимать её друг у друга. Кто победил, тот сразу же берёт её, остальные молча ждут. Но как только победитель справил свои потребности, игра начинается вновь, и бедную женщину снова рвут на части, пока следующий победитель не овладеет ею. И так без конца, пока жертва не отдаст Богу душу. А иногда, войдя в раж, они продолжают отнимать друг у друга уже мёртвое тело.

Эльгите стало жутко. Закрыв глаза, она слушала рассказ рыцаря, понимая, что он говорит

ей далеко не всё, щадя её чувства. За это она была благодарна ему. Морис де Гранвиль не был жесток, хоть и жил в жестоком мире.

— Я очень благодарна вам, сэръ рыцарь, за то, что вы спасли мою сестру. И от души благодарю за ту охранную грамоту, что вы дали моему поместью. Не один раз находились желающие поживиться чужим добром. Но ваша бляха чудодейственным образом отгоняла их от наших ворот. А мне спасла жизнь. Я никогда не позволила бы мужчине овладеть мною. Мой кинжал всегда при мне.

Глаза девушки яростно сверкнули, и рыцарь понял, что это не пустые слова. Она действительно не допустит никого к своему телу, скорее умрёт.

— Вам пришлось пострадать от мужской власти над вами? — мягко спросил он.

Эльгита взглянула ему в глаза и утвердительно кивнула головой.

— Того, что я перенесла, мне хватит на всю оставшуюся жизнь, и никогда больше ни один мужчина не дотронется до меня. Я не знаю, что меня ждёт впереди, не знаю, что уготовит для меня новый король, но я полна решимости отстаивать своё тело от любых посягательств столько, сколько это будет возможно. А дальше — пусть конец.

Рыцарь содрогнулся в душе, видя это отчаянное желание женщины защитить себя. Не многие из них способны на сопротивление, и

гибнут, становясь игрушками в руках жестокосердных мужчин. Но эта светловолосая и нежная голубоглазка без колебаний всадит кинжал в сердце того, кто посягнёт на её тело, пусть даже ей придётся заплатить за это жизнью. Он чувствовал это.

— Я велела приготовить вам комнату, сэръ рыцарь, — сменила Эльгита тему разговора. — Пойдёмте, я провожу вас.

И она провела рыцаря в комнату, где раньше жила Ровена. Сестра больше никогда не вернётся сюда. Она уже знала, что Ровена погибла там, в той бойне.

Эльгита ушла, а рыцарь, улёгшись в постель, никак не мог уснуть. Перед глазами его вставала картина: бледная светловолосая девушка сжимает в руке кинжал, а на неё надвигается ухмыляющийся верзила Финн. Не войди он тогда, и трагедия была бы неизбежной. Эта девушка чем-то трогала его и зажигала желание обладать ею. Желание, которому не может быть удовлетворения. Сам он никогда не овладевал женщиной насильно, никогда после того давнего случая...

Думать об этом не хотелось. Перед глазами стояла Эльгита. Мягкие изгибы её тела манили к ласкам. Нежные губы, казалось, просили поцелуя. Но нет, это невозможно. Тело рыцаря занято от неудовлетворённого желания, чресла болезненно

напряглись. И тут тихонько открылась дверь, и миниатюрное женское тело скользнуло к его постели. Женщина на ходу скинула одежду и остановилась перед ним, зазывно двигая бёдрами. Не сказав ни слова, рыцарь сгрёб её в охапку и подмял под себя. Так же молча он яростно врезался в податливое тело и, забыв всё на свете, принялся удовлетворять разгоревшуюся похоть. Женщина под ним извивалась и стонала от наслаждения, она обхватила его тело ногами, давая возможность проникнуть ещё глубже, отвечала рывком навстречу каждому его выпадку. Она несколько раз содрогнулась в экстазе, пока рыцарь излил, наконец, свою страсть и пришёл в себя. Осознав, что произошло, он отодвинулся от льнувшего к нему женского тела.

— Ступай, милая, ступай, — сказал он. — Спасибо тебе и оставь меня.

— Нет, я хочу ещё, — жарко прошептала женщина и принялась ласкать его тело, страстно целуя везде. — Ты потрясающий мужчина, мой рыцарь.

Она умело трогала его в самых заветных местечках, вновь разжигая погасшую уже страсть, пока не подняла опавшее мужское достоинство.

— Дай мне ещё раз испытать это неземное блаженство, милый, — умоляюще прошептала она, насаживаясь на вздыбившееся копьё и двигаясь на

нѣм всё быстрее.

Женщина дрожала и всхлипывала от нетерпения. И рыцарь дал ей то, что она просила. Он рывком перевернул её на спину и яростными толчками врывался в её тело, изливая в этой ярости боль неудовлетворённого желанія. Незнакомка помогла ему разрядиться, но это была не та женщина, которую он хотел. И излившись ещё раз, он оттолкнул её от себя. Он даже не смог её поцеловать, хотя всегда был ласков с женщинами. Что-то неладное случилось с ним в этом доме.

Утром хмурый и злой, он быстро простился с хозяйкой и отбыл в сопровождении своих воинов. Он был зол на себя, что позволил ненужным чувствам и желаніям поселиться в сердце. Его солдаты, напротив, были чрезвычайно довольны жизнью и выглядели как коты, вдоволь наигравшіеся с мышками, и наевшіеся в придачу сметаны.

Эльгита не могла понять, чем вызвано плохое настроеніе рыцаря поутру. Ведь вечером он был приветлив и добр. Немного прояснилось, когда она услышала женский разговор в людской. Маленькая и вёрткая Алтея делилась с двумя другими служанками своими впечатленіями от приезжего рыцаря.

— Какой мужчина, ах, какой мужчина, — соловьём заливалась она, — я бы всё отдала, чтобы

быть с ним рядом. Он дважды взял меня и дважды подарил мне неземное блаженство. Но он хотел не меня.

Эльгита решила, что больше не будет думать об этом рыцаре. Не будет, и всё. Она, конечно, очень благодарна ему за всё, что он для неё сделал, но думать о нём больше не будет. Тем более что он уехал и теперь-то уж точно не вернётся. Он даже не взглянул на неё, когда отбывал утром. Сухо поблагодарил за приют, а в глаза так и не посмотрел. Ну и хорошо, вот и ладно — успокаивала она себя. Но на душе было беспокойно.

Эльгите было чем заняться, да и зима надвигается, а в это время всегда много хлопот. Но главной её заботой была, разумеется, Эдит. Младшую сестру надо было возвращать к жизни. Девочке всего пятнадцать лет, а то, что она пережила, судя по скупым словам рыцаря, не всякая взрослая женщина выдержит. Эдит ходила по дому, слабая и бледная, и ничего не желала говорить, только время от времени шептала или «Хочу в монастырь» или «Хочу умереть». Мать старалась, как могла. Но ей было не понять свою младшенькую. Сама она прожила благополучную жизнь за спиной мужа. И хотя Эльгита никогда не видела тепла и любви между ними, те несчастья, что выпадают на долю многих женщин, особенно в

период военных действий, обошли её мать стороной. Но не обошли её дочерей. Две искалеченные женские жизни остались рядом с ней. А любимица матери Ровена погибла, и можно было только догадываться о том, как страшна была её смерть.

Но оказалось, что спокойно заниматься хозяйством ещё не время. Зима только-только легла на землю белым ковром, как покой усадьбы Фрисби снова был нарушен. Большой отряд вооружённых людей остановился у ворот усадьбы, и громкий грубый голос приказал впустить усталых путников. Эльгита вышла навстречу неожиданным гостям и замерла от удивления. Впереди отряда рядом с огромным грубым на вид воином, чей голос она, несомненно, слышала только что, на великолепном белом коне восседал не кто иной, как барон Ательстан собственной персоной. Он приятно улыбался и приветствовал хозяйку самым вежливым образом. И попросил пристанища на ночь.

— Уже темнеет, леди, — сказал он, — я и мои люди замёрзли, устали и голодны. Вы ведь не откажете в приюте утомлённым путникам. Моим охранникам достаточно и сеновала, а мне, я надеюсь, отведут так хорошо знакомую мне комнату на втором этаже, где я так славно отдохнул в прошлый свой приезд.

Барон умильно улыбнулся и облизнул губы. Глаза его подёрнулись масляной пеленой, и он прошёлся похотливым взглядом по всей фигуре стоявшей перед ним девушки, выразительно задержавшись на бёдрах.

— Я буду счастлив повторить во всех подробностях нашу прошлую встречу, леди. И надеюсь, что тан Эбенгард не откажет мне в этом удовольствии.

У Эльгиты перехватило дыхание от нахлынувшей на неё ярости. Она готова была кинуться на барона и задушить его голыми руками. Но огромным усилием воли овладела собой и ответила холодным спокойным голосом:

— Тан Эбенгард погиб этой осенью, милорд, и теперь я хозяйка этого владения. И, если вы не заметили, скажу вам, что это поместье находится под покровительством короля.

Она указала рукой на металлическую бляху над воротами, но барон вяло махнул рукой.

— Мой друг Вильгельм, несомненно, простит мне эту маленькую шалость, — ухмыляясь, сказал он в ответ, — я как раз еду к нему на коронацию с богатыми дарами. И потом, я ведь вовсе не покушаюсь на принадлежащую ему усадьбу, а просто хочу приласкать её хозяйку, которая, мне кажется, истосковалась по настоящему мужчине.

Барон нагло улыбался, пожирая её глазами.